

ОЛЕГ МИСКОВЕЦ

СОВРЕМЕННАЯ

ПОЧТА

Олег Мисковец
Современная почта

«Издательские решения»

Мисковец О.

Современная почта / О. Мисковец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964479-4

«Современная почта» — это городская лирика со всеми присущими ей приметами времени. Интонация всей книги Олега Мисковца — сострадательная ирония, не искусственно сделанная, а своя, естественная, как дыхание. В сочетании со своеобразной жёсткой образностью получается эффект неожиданности, эмоциональной взъерошенности.

ISBN 978-5-44-964479-4

© Мисковец О.
© Издательские решения

Содержание

исq	16
«Когда я вспоминаю о тебе...»	16
«Зима не идет неслучайно...»	17
«Я помню каждый твой изгиб...»	18
«Закат невозможен...»	19
«В стихах обрести покой желая...»	20
«Ожидание во всё...»	21
«Чем бы ни кончилась жизнь – живи!...»	22
«Какая ночь, какое утро...»	23
«Видимо, угодно богам...»	24
«Переулок, уходящий за угол...»	25
«Осень. Листва, слетаясь в костры...»	26
«На Солнце пятна, на Луне моря...»	27
«В капле морской – соль...»	28
«Нет, весь я не умру...»	29
бывает	30
«Надо идти, свети...»	31
«Фонарь с оторванной башкой...»	32
«...как будто не было ни слёз...»	33
развал-схождение	34
«Солнце капли те подсушит...»	35
зал ив	36
«размерено...»	37
пять	38
«Из новостей: души терзанье...»	39
Девушке, которая приняла	40
«...когда вдруг затоскует голова...»	41
«На небе луны немного...»	42
«Крылом разрывая воздух...»	43
«...есть время...»	44
двое втроём	45
«Опсе урон a time, неизвестно где...»	46
«Незнание освобождает не всегда...»	47
«Быть может быть, издалика...»	48
«Из прошлого вошла она...»	49
«всё было, так как не было...»	50
«Я среди карликовых сосен...»	51
«Не напишу ни строчки...»	52
«В жизнь, как и в воду, дважды не войдёшь...»	53
«Нет, Вы мне ничего не обещали...»	54
«Судьба и рок, несчастный случай...»	55
колыбельная-2	56
«Дети мои, стихи мои...»	57
1991	62
«Не пью. Молчу, как тень немого...»	67
«Есть что-то в фотографиях старинных...»	68

«Мне кажется, я знаю отчего...»	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Современная почта

Олег Мисковец

Художник Мария Спехова

© Олег Мисковец, 2019

© Мария Спехова, художник, 2019

ISBN 978-5-4496-4479-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ісқ

2007 – 2009

«Когда я вспоминаю о тебе...»

Когда я вспоминаю о тебе,
я вспоминаю почему-то зиму.
Вспоминанье так необъяснимо,
как наша встреча, встречи и т. д.

Когда пытаюсь все забыть, хотя
всё невозможно, вспоминаю лето,
не потому, что было то и это,
а потому, что было лето до тебя.

«Зима не идет неслучайно...»

Зима не идет неслучайно,
непросто не падает снег,
но пусть эта страшная тайна
останется тайной для всех.

Пусть кажется это глобально,
Земля потепленьем больна,
а правда в кровати двуспальной,
над ней из бумаги луна.

Внезапную встречей согрета
расплакавшаяся зима,
и вовсе не хочется лета,
и даже весна не нужна.

Но календари не отменишь,
и прежде вопроса ответ.
Влюбленное, нежное: «Веришь?»
Житейское, горькое: «Нет».

«Я помню каждый твой изгиб...»

...потом еще мычит: Не трожь.

Иосиф Бродский

Я помню каждый твой изгиб,
я помню запах твой и влаги
вкус из всех возможных мест.
С утра как палкой был избит,
я помню, в приступе отваги,
легко одевшись, к тебе лез.
Деревьев много – скажут лес,
народу – назовут парадом,
когда любви – твердят: не надо,
а слышится всё время: Yes!

«Закат невозможен...»

Закат невозможен,
рассвет неизбежен,
ночь коротка, будто выстрел.
И времени ножниц
лезвия режут
отпущенные нам числа.

«В стихах обрести покой желая...»

В стихах обрести покой желая,
касаюсь клавиш всякий раз,
как буквы нужные найду.

И, находясь недалеко от рая
(буквально рядом), я горю в аду,
когда пишу о Вас, для Вас.

То ревность корчится сгорая,
то правда катиться из глаз,
воспоминания ведут

хромую мысль по краю края,
почти не чуя пустоту.
Я рад бы забывать о Вас,

стыдясь, желанья заменяя
на что-то большее, подчас
уже не веруя в мечту,

сомнения перебирая...
но где найти другую ту,
с которой после пары фраз,

по буквам смыслами играя,
жизнь начинается на раз,
на два сползая в пустоту,

на три счет времени теряя,
и превращает простоту
в трагичнический парафраз.

«Ожидание во всём...»

Ожидание во всём.
В каждой вещи, в каждом месте
напряжение под двести
двадцать. Приезжай, замкнём

вплоть до перегрева всех
групп контактных сложной схемы,
что качается на стенах
тенью двух сплетенных тел.

«Чем бы ни кончилась жизнь – живи!..»

Чем бы ни кончилась жизнь – живи!
Чем бы ни началась смерть – страдай...
Хочется это сказать любви,
но не услышит она меня.

Глухонемая, ущербная,
мученая разлукою,
нервно-сомнительно верная,
измены распята мукою.
Светлая, настоящая,
немыслимо интересная,
разнообразно манящая
и до конца неизвестная.

Нету страшней ожидания
того, что вовек не сбудется.
Взято почти из писания:
свыкнется, стерпится, слобится.

«Какая ночь, какое утро...»

Какая ночь, какое утро
Нас привело туда, где мы?
Какие силы света, тьмы?
Какие мудро иль не мудро

произнесенные слова?
Твои или мои? Как будто
наши. Вспомнить трудно.
Забить возможно ли? Едва.

«Видимо, угодно богам...»

Видимо, угодно богам,
что судьбу заставили вновь
развести нас по полюсам
небольшой планеты Любовь,

крохотной планеты совсем
с общим населением два
человека с разностью тел,
но единством душ. Навсегда.

«Переулок, уходящий за угол...»

Переулок, уходящий за угол,
неба кусок ночного, окна, стены.
Город свое прошлое запугал
новостроем, и, боясь измены,
очередного плана генерального,
особняки жмутся к домам,
грустно глядя окнами на всякого
проходящего мимо врага,
сворачивающего, возможно,
не в их будущее вовсе.
Быть архитектурой сложно
в 2007-ю московскую осень.

«Осень. Листва, слетаясь в костры...»

Осень. Листва, слетаясь в костры,
придаёт туману копченый запах.
Птицы упрямо летят на запад —
Вероятно, для них там юг. До поры

черно-бело-немой недолго совсем
(как оператору плёнку сменить).
Будущий снег дождём семенит,
оставляя царапин следы на всех

кадрах навсегда уходящей природы,
уходящей от лета в зиму
стремительно, необъяснимо,
обиженно, скорбно, хмуро,

но невыносимо красиво.

«На Солнце пятна, на Луне моря...»

На Солнце пятна, на Луне моря,
на Марсе лёд оранжевого цвета,
а мы живём на голубой планете
давно, бессмысленно, неумно, зря.

А кто не зря – готовится лететь
не раз проторенной дорогой
по направлению к гаснущей звезде
искать другие, кроме водорода,
причины, чтобы ей гореть.

«В капле морской – соль...»

В капле морской – соль.
В капле духов – сны.
В капле дождя ноль
примесей со стороны.

В свете звезды – даль.
В свете луны – ночь.
В свете свечи жаль,
что прочь мотыльку не смочь.

В искре сварной – шлак.
В искре костра – жар.
В искре из глаз мрак —
реакцией на удар.

В крике «ура» – страх.
В крике конца – «пли».
В крике любви «ах!» —
всё, что придумать смогли.

В жизни всего – тьма.
В жизни всего нет.
Жизнь не длиннее дня
вдруг начатого в обед.

«Нет, весь я не умру...»

«Нет, весь я не умру»,
умру частично,
от горя, околевав к утру,
умрет та часть, что с Вами лично
(не надо только грязи)
была близка так безгранично,
как могла, но разве
этого достаточно. Причиной
смерти, как запишет
доктор-время, станет асфиксия:
«Видите – не дышит,
а я, увы, без эликсира»...
...светало, еле слышно
ночь, комариной песнею звеня,
пошла на убыль, уводя
с собою ставшую вдруг лишней
и мёртвой Вашу часть меня.

бывает

Приход бывает у попов,
у наркоманов и того,
кто к жизни взрослой не готов,
лишившись детских снов.

Привод бывает у ментов,
не так ударный у авто
и у набора цифр с чертой —
дробей, не домино.

Расход бывает у стрелков,
у кораблей, у двух полов,
еще бензиновых паров,
сгорающих в движке.

Исход бывает не такой,
как ожидалось, кто не гой,
уходит так, и роковой.
Летальный. Всё. Уже.

«Надо идти, свети...»

«Надо идти, свети.
Что так стоять и ждать?
Не изменить пути,
не повернуть назад.

Не разглядеть конца,
края не ощутить.
Всё, что останется, —
тем, кто умел любить».

Так говорил поэт
солнцу, луне, звезде.
Тот или этот свет
слышал всегда, везде.

«Фонарь с оторванной башкой...»

Фонарь с оторванной башкой,
которая висит на проволочной шее.
Иль хулиган забрался высоко,
иль, может, самолётом низко пролетели.

Но, перевоплотясь совсем
из восклицательного знака в знак вопроса,
в похожую на единицу семь,
в почти погашенную в тучах папиросу,

он, как-то извернувшись, весь
не выключился, не погас, а прямо в небо
невидимым с земли лучом залез,
создав искрящийся, парящий конус снега.

«...как будто не было ни слёз...»

...как будто не было ни слёз,
ни боли, ни упреков,
как будто не было всерьёз
ни жизни, ни её конца,
как будто не таким жестоким
стал мир казаться, и творца
желание сбылось...

развал-схождение

Кто свёл тогда нас – ангелы иль черти?
Кто разлучает – те или другие?
Как детская игра про «верьте и не верьте».
Любовь как вера. И разлука, чтоб любили.

Вот так и ходим в полусне от рая.
Без слухов зная, что и так понятно.
Давясь, неправду в разной таре потребляя,
любовь не выпить. А разлука – не обратно.

Настолько разные, что в полной мере
совпали, что бы там ни говорили.
В местах несовпадений наших пахнет серой.
Любовь как воздух. А разлука – перекрыли.

Кто б нас не свёл тогда с ума – спасибо.
Поклон за всё и тем и этим низкий.
Но хватит проверять на всякий случай, ибо
Любовь как чудо. А разлука по-английски.
Солнце завтра утром встанет.
Завтра вечером зайдёт.
Небо выльется дождями
ночью, сразу, наперёд.

«Солнце капли те подсушит...»

Солнце капли те подсушит.
Небо спрячется в туман.
Солнце жжет моря и сушу.
В небе серых туч стена.

Солнце выше. Небо всюду.
Даже там, где солнца нет.
Есть луна, и звезды – будто
огоньки других планет.

Горизонты, апогеи,
время, сутки, ночи, дни.
Вертится земля скорее,
чем встречаются они.

И планета во вселенной
Одинока, как любовь.
Солнце греет непременно.
Небо сохраняет вновь.

ЗАЛ ИВ

...запомним снами эти выходные...

...рассвет случился в четверть девяти
томатный сок, добавленный в кефир...

...цвет ночи, навсегда ушедшей ныне,
небытие не сможет повторить
забытый тихий sos в прямом эфире...

...неповторимыми тереться в мире,
на бедность Питера Москву купить,
и разлюбить так неудачно, точно
не досыта обедает беда...

...мы вместе не были на море никогда,
не клеили ни марок, ни девчонок —
ни на конверты, ни на вечер или два —
и порознь выпили вина бочонок
болгарского ли крымского разлива...

...гребёт собака мячик доставать,
хозяйка подавилась сливой,
поэт рифмует, чтобы дорожать,
на берег Финского залива
выходит зебра торопливо
тень от забора лунную рожать...

«размерено...»

размерено
разменяно
развеяно
построчно
в клочья
палачом
безжалостным
но властным
временем
попеременно
временно
в ничто

ПЯТЬ

Мила, я не помню точно,
сколько мы знакомы лет.
Помню пальмы листья-кочья,
звёзды рейда душной ночью,
тёплый каннский парапег.

Помню, заплывала, Мила,
ты почти за горизонт.
Яхта мимо проходила,
туча солнце вдруг закрыла,
обесмыслив пляжный зонт.

С режиссером ты на судне,
он, как старый бог, усат.
Я в кафе с пустой посудой,
ни бельмес на местном, трудно,
ни те выпить, ни пожрать.

Ты пришла, гарсону чутко
объяснила, кто есть он.
Я в первой за жизнь, за сутки
из алкоголицы утки
ел фуагру с коньяком.

Мило был исхожен вечер,
плыл над Каннами закат.
В старом городе был встречен
замок, весь в следах картечи...
Мила, сколько лет назад?

«Из новостей: души терзанье...»

Из новостей: души терзанье,
неясных целей очертанье,
присутствие отсутствия желанья,
к чему бы ни было вообще.
В предельной простоте вещей
неверность правоты ничьей.
Считает время-казначей
уже не сотнями, но тыщей
тысяч потерянных и нищих
мгновений, ставших пищей
воспоминаний на бумаге пищей
ГОСТ-42/29-ЩЕ.

Девушке, которая приняла

Жизнь воробышком серым скачет —
скок-скок-поскок,
выискивая зёрна счастья —
один песок.

Так редко макова соринка
вдруг попадёт,
заброшенная ветром с рынка.
На рынке кот.

На рынке стройными рядами
нерусский мат.
Шаверму крутят с воробьями.
И кот усат.

Быть может, спит? Пойти проверить?
Шажок-другой,
но две пружинки из-под перьев
и хвост трубой.

Не шагом – лапками грохочет,
а кот жесток,
но жизнь-воробушек так хочет
счастья. Скок...

«...когда вдруг затоскует голова...»

...когда вдруг затоскует голова
о плахе, словно лист капустный,
о том младенце, коим вкусно
полакомилась жизнь сполна,

то знай: закончились уже
слова, что чувство вызывало,
витиеватых фраз-ужей
живого выводка не стало...

«На небе луны немного...»

На небе луны немного,
сегодня она не вся,
но звёзды в порядке строгом
созвездиями висят.

На фоне чернильно-грозном
монета ущербна из драг-
метала и вбиты гвозди,
все чистого серебра.

На грядке небесной пашни
и овцы есть, и пастух,
чуть больше луны вчерашней,
счесть звезды не хватит рук.

Как будто на море ночью
среди волн-облаков маяк,
а в каждой горящей точке
свет с дальнего корабля.

Вселенная бесконечна,
и может, из звезд на одной
есть царство влюбленных вечно
под столь же беспечной луной.

«Крылом разрывая воздух...»

Крылом разрывая воздух,
собой разрывая нас,
на 10 км ближе к звёздам,
в заранее ведомый час...

Оставит на небе полосу
за рёвом турбин белый газ.
Куда? Все предельно просто —
на минус три буквы из фраз.

К другим телефонным кодам,
к привычному морю роз,
где «да» станет «нет» на полгода
так запросто, просто, всерьёз.

«...есть время...»

...есть время,
оно рассудит, разберёт
оно состарит и убьёт
проблема,
собственно, в том, ждать иль нет
кому и как жечь жизни свет
коленям
не только в позе отстоять
но надо все же и в церквях
вселенной
выжить возможностью любви
когда ее вдруг сберегли...

двое втроём

Незаметно, чуть дыша,
страхом и сомненьями
в теле прячется душа
до поры до времени.

А в душе живёт любовь
со своей сестрицею,
делит с ревностью жильё,
чувства и амбиции.

Меж сестёр извечен спор,
обе девки вздорные,
коммунальных дней позор,
очередь в уборную.

Две жилички на душе,
две квартиросъёмщицы,
то при деле до ушей,
то всего сторонятся.

То квартплату принесут
точно по квитанции,
то слезами все зальют,
то затеют драться и

так уделают жильё
страхом и сомненьями,
будто бы оно своё...
а душа в волнении,

незаметна и тиха,
через вёрсты пёстрых дней
робко прячется в стихах,
что диктуют сёстры ей.

«Once upon a time, неизвестно где...»

Once upon a time, неизвестно где,
может быть, за границей,
двое гадали на тусклой звезде,
что верила в небылицы.

Двое держали друг друга везде,
рук не хватало и губ,
двое клялись под звездой себе:
«Once upon a time and for good».

«Незнание освобождает не всегда...»

Незнание освобождает не всегда,
ответственность лишает опыт смысла,
сулит рукам свободу коромысло,
плечам нагрузку – равновесная вода.

Признаний тяжесть проводам дает устать,
хоть кажется – под птицами провисли.
Проходит ангел (крылья для харизмы),
попить несет на перекладине креста.

«Быть может быть, издалека...»

Быть может быть, издалека
в своём отечестве пророка
сумеют слышать и до срока.

Седой былинности река
течёт на запад не с востока,
но поперёк материка.

Вращение волчка ест
время, помогая при полёте
не сбиться с курса to the west,

что исключает развороты
для обретенья прежних мест,
но мы укладываем стропы,

чем вызываем интерес
видавшей многое Европы
и озорных United States.

«Из прошлого вошла она...»

Из прошлого вошла она,
и в будущем сгустились тучи,
и притаилась тишина,
не зная, что поделать лучше,
над паузой повис вопрос,
лоб брови опустил, как крылья...
«Купите в офис пылесос,
чтоб эффективней было с пылью».
...из прошлого небытия,
забытого почти безумства,
внезапная, торговая,
вошла она, и стало грустно.

«ВСЁ БЫЛО, ТАК КАК НЕ БЫЛО...»

А.П.

всё было, так как не было
всё было, так как не могло
гудит байкальское село
воображенье то же зло
мы их придумываем до
они нас после, повезло
кому не ясно
в этой сказке
концу началом бы не стать
а остальное – дно достать,
не глазом, но глотком той жажды,
которую, Бог даст, не утолить,
бывает вовремя не вовремя налить
не вовремя же пить неверно дважды
всё было, как не может быть
и как бывает лишь однажды

«Я среди карликовых сосен...»

Я среди карликовых сосен,
берёзок, прочей мелкоты,
меня в объятых держит осень,
мороз по тундре ветер носит
и добавляет пустоты
пейзажу этой широты.
Белеет изморозью проседь
на иглах, что растут, не просят
где, из вечной мерзлоты,
а где-то лету не остыть.

«Не напишу ни строчки...»

Не напишу ни строчки
и не поставлю точки,
сложу листок в кораблик, а может, самолёт.

Пускай плывет по волнам,
пускай летит свободно,
по ветру или против, но душу мне не рвёт.

Пусть самолётов стая,
флотилия морская
белей бумаги белой, свободной от чернил,

воздушно и надводно,
мечте моей подобно,
плывёт, летит на ветер, а может, и за ним.

Пусть ветер будет сильным,
пусть море будет синим,
пусть солнце будет жёлтым и мокрым будет дождь.

Сложу-ка я бумагу
в чудесную панаму —
сестра учила в детстве... вот вспомнить бы чертёж.

«В жизнь, как и в воду, дважды не войдешь...»

В жизнь, как и в воду, дважды не войдешь,
и я себе другой судьбы не алчу,
угодно небу – небо сыплет дождь,
земля влажнеет, как ей быть иначе.

Важней всего конечность бытия,
всё для того, чтоб много не гршили,
желанье взрослое – всё поменять,
из детского – скорей бы стать большими.

Простосердечное – всё быть могло —
рождает вдруг вселенскую тревогу,
как в Лету погружённое весло
в мишень внезапно превращает воду.

«Нет, Вы мне ничего не обещали...»

Нет, Вы мне ничего не обещали,
не говорили о любви,
глазами хлопая, вуаль качали
ресничным веером своим.

Но страсть туманная по дну стелилась
бесстыдной поволоки глаз,
нам не случилась с Вами эта милость
кто не спросил? кто дал отказ?

Не вспомнится, нам вместе быть не вышло,
да вряд ли в этом был резон,
вы слишком для меня красивы книжно,
я Вас прочел, теперь Вы сон,

приснившийся порою предрассветной,
когда все гости, кроме нас,
ушли, оставив как бы незаметно
на случай и меня, и Вас.

Случайно ничего не происходит,
а неслучайно иногда,
и мы хотели даже с Вами вроде,
но «нет» решили там, где «да».

«Судьба и рок, несчастный случай...»

Судьба и рок, несчастный случай,
с кого еще теперь спросить?
Ах да, слепой бездушный лучник,
крылатый голый паразит.

Звон тетивы в ушах поныне,
из сердца не уходит боль.
«Вы одиноки?» – целься мимо.
«А Вы?» – пернатый, выбей ноль.

Но глух был рок, и ангел прежде,
чем разучились слышать мы,
Любовь с сестрой ее Надеждой

не сыщут Веру днем кромешным,
ни под покровом белой тьмы,

да и мосты разведены.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ-2

Если ты спишь, то спи,
если не спишь, прости,
если простить невмочь
в белую эту ночь,
завтрашним днём прости,
если ты спишь, то спи.

Если не спишь, усни,
в небе горят огни,
их сосчитай до ста,
только считать устань,
звёзды, разлуки дни,
веки сомкни, усни.

Если уснуть никак
или вдруг облака,
ты не печалься им,
вспомни меня другим,
вспомни, какой дурак,
если уснуть никак.

Если ещё светло
или уж рассвело,
тихо отшторь окно
в белую ночь, как в сон,
в сон, где всегда еще
или уже светло.

«Дети мои, стихи мои...»

Дети мои, стихи мои,
честно мне с вами, легко,
честно, как раньше – без химии
закуска и самогон.

Вирши мои, товарищи,
силы даете и прыть,
если б не вы, тогда б ещё
я разучился любить.

Рифмы, подруги верные,
вам что сума, что тюрьма,
от настроенья скверного
убережете меня.

Строчка за строчкой стелется,
как за зимою зима,
верится и не верится,
скалится сатана.

Часто подсказки жалует,
я не всегда, но беру,
после исправлю, малые,
может быть, даже к утру.

Все перепишем начисто,
как завещал Мойдодыр,
честно-пречестно-начестно,
как плавленый – раньше – сыр.

А.П.

В Петербурге, наверно, весна,
и на Невском весней, чем везде,
я б приехал, но поезд без сна,
и на Невском не встречусь я с ней.

Я бы выполнил долг горожан
и по Летнему саду прошёл,
только знаешь, какого рожна:
гипсы в склепах, стволы нагишом.

На Фонтанку вообще не зови,
сколько можно святых выносить,
что весна, так участки любви
принимается вечность косить.

А на Марсовом, помнишь, портфель?
(Снимок дома стоит за стеклом.)
Пили водку, уже не портвейн,
водка лучше, когда вчетвером.

Опускаясь, терялись в метро,
растворялись в романах, в стихах...
Встретил Рому в столице, пестро
был одет, говорят, он в бегах.
Говорят, что у куриц есть грудь,
что недолго до третьей войны...
Не приеду, потом, как-нибудь,
роз купи, как обычно, займы.

...и видел-то всего лишь раз,
и друг, похоже, много знает,
но разве сердцу дать приказ?
а дать – оно, что, слушать станет?
...глаза и голос, что ещё?
наивное желанье счастья,
воск с ночника гоним свечой,
две тени мечутся, роятся,
носком ударившись в паркет,
полпары обуви упало,
так быть могло, но не бывало,
стесненье... возраст... этикет...
но так с охотницей охота
и поохотиться, и, что там,
просто пострелять...
меня просили поздравлять,
я поздравляю и хочу
взаправду, как огонь свечу,
не уменьшать, но обжигать...
Вам скажут многое кто рядом
и будут целовать в упор...
а я? я вспомню те полвзгляда
и телефонный разговор

Откуда мы,
Куда идём?
Впотьмах из тьмы
На огонёк
Цена свечи невелика
Откуда, чьи
Идем пока
За летом ли
Перед зимой
По Лете плыть
Держа весло
Наперевес
Наперекор
Чем дальше в лес
Тупей топор
Товар прокис
В складской глуши
По рельсам вниз
На лифте вширь
Но шире нет
Не развести
Крепление
Бедра к кости
За барыши
Безрадостней
Но малыши
В яслях взрослых
Других, ища
Поводырей
Собачьих стай
Прошедших дней
Одним из них
Другой зачат
В пожаре книг
Позорный чат
Где чаще тех
Кого мы ждем
Приходят все
Со всех сторон
Любовь снести
Невмоготу
Ее спасти
И за версту
Не подходить
Исчезнуть там
Не рвется нить

Струною став
На все лады
Одна она
Жизнь до беды
Короче сна

1991

...я вышел в город, полный слёз
любви-вдовы, любви-сиротки,
палатки предлагали водки,
лотки каналы папирос,
над юностью роились тучи
по-взрослому, грозя грозой,
ты мне сказала: есть другой,
а я все спрашивал: чем лучше?

...кубанской литр-полтора,
в общагу к другу, там кровати,
скрип сетки панцирной и кстати
истощный крик: ура! трава...
наутро кран прирос к губам,
и в битом кафельном пространстве
остался мальчик умываться,
который не хотел меняться...

я вышел в город... пополам.

**

...мы живем цитатами великих,
малых и других планет орбиты
уж открытых ранее и свитых
временем, разбитых
на каталоги чужих наитий...
не живем... цитируем... Овидий?
Кант? во сне увидел?
сон цитатой сна избитой...
пробуждение обидой
воспринял, цитату выпил
и цитатою запил другой...
жизнь – цитата жизни прожитой.

...а ангел в небо улетал,
не зная, что же будет дальше,
крыла любви лекалом фальши
держали плохо, и метель
мела из края в край
ему кричали: улетай
куда-нибудь, как можно дальше...
и ангел плакал, но летел

он азимуты все нарушил
проходит дождь – то он над сушей,
задует ветер... он везде

Ветер, вода, деньги,
стрижки короче ветра,
пирсинг, Питера феньки,
третьей подругой Вера,
первая тёплая голой,
непостоянной прежней,
не замолкающий голос
изображает пенье,
скорость в замках чемоданов,
за подоконником слёзы
ждут поезда, вокзалы
другие вокзалы бросят,
полуразорванный город,
странности полу Клиник,
последний сон Polaroid:
крыша, закат, мартини.

Ксанф, выпей литр, Сизиф, кати с горы,
Икар, приобрети воздушный змей,
Волхвы, отдайте Ироду дары,
до воскресения сведи в музей,

сестра, блаженных детских снов, поры
очкастого не покоренья, жгут
там Фенимора Купера костры
и пионеру Зорге лучший друг,

там вяленой рекой пропах чердак
как лодка днищем вверх на берегу,
под шиферной пилоткой дом-простак,
в музей, сестра, до воскресенья, лгут

про то, что он закрыт, переучет
возможен там, где есть что воровать,
музей украденного детства: пьёт
отец, тетрадки проверяет мать,

ворую сигарету, на шкафу
есть целый склад, и лучше «Примы» нет,
на Ленина там дачницы живут,
ты замужем, а мне пятнадцать лет.

слепая девушка...
ослеплена любовью,
у изголовья крест,
спит деревушка
ни гугу окрест,
луна забралась в душу
и вытесняет всех,
нарушен сон, нарушен
жизни бег,
разбужен памяти тупик,
не нужен поводырь
собака, сторож в будке сбит
с толку ночью, дезертир,
что тоже ничего не видит,
порою проще ненавидеть,
ночной порой глаза, что руки,
что не находят, устают,
встает, пьёт воду
и уходит, всё глубже
в ночь, не зная броду...
остановись мгновенье тут.

Чёрно-белое нельзя
в старопаспортном формате,
пузырьки бегут к помаде,
над свечой кому-то взгляд,

сепией раскрашен быт,
убедительно состарен
в вечность, не хватает рамы
только... гвоздь почти забит.

Здесь ранее упал метеорит
или взорвалась бомба Атлантиды,
карьер глубокий, может быть, графит
здесь зеки добывали парт элите,

чтоб красным выводилось «расстрелять»,
а синим – «десять лет без переписки»,
карьер глубокий, восклицанье «мать
твою!» в нем утонуло по-английски,

не попрощавшись, с тарой в тарары
эпоха канула, как надорвалась
история, и эхом той поры
здесь частью геодезии осталась.

Мне кажется... уверен, что солдаты,
не так давно ушедшие из дома,
щекой касаясь тела автомата,
закон уже постигли анти-Ома.

Озвученная встречным ветром пуля
сворачивает вмиг пространство в точку,
мишенью – силуэт, сидящий в стуле:
пришпиленный циклический листочек.

Бьют гильзы больно, кто стреляет слева,
Кричит стреляющему где-то справа,
спит с кем-то на гражданке королева,
конюшня, ночь, дурь белая, облава.

Собачья жизнь, спалили дочку мэра,
об этом завтра полстраны узнает,
Спас на крови сроднился с частью сквера
и верит в то, что «климат» в прежнем стане.

выпили всё
дождей не было
море на дне колодца
атенцион!
черные лебеди
доклёвывают солнце
азимут влип
в стрелку компаса
ось подавилась скрипом
скоро прилив
луна искоса
липнет к мокрым рифам

философия вопроса
проведения досуга
жизнь, похоже, папироса

часть травы и просто трубка

философия ответа
подведения итога
жизнь с ментолом сигарета
сладко-мятная изжога

философия пространства
метафизика полета
солнце где-то двести двадцать
небо потолок до рвоты

философия улыбок
перевернутое горе
опыт выкидыш ошибок
гений с парадоксом в ссоре

философия привычек
в необузданном бунтарстве
грубых двадцать семь отмычек
тридцати дверей пространства

философия поступка
с философией покоя
в неспособных на уступки
казнях нового покроя

«Не пью. Молчу, как тень немого...»

Не пью. Молчу, как тень немого,
и в этой гнусной трезвоте
не только рифмы о тебе,
но и несказанных ни слова.

Дождь перпендикулярно снам
по тонким веткам, полуголо
воспоминания уколом,
душа – проклятый наркоман,

востребована и вся там...
Я пуст внутри, как банка «колы»,
раздавлен, как она же, в хлам.
Сверкает гранями стакан,

мой старый друг, со мною в соре —
memento mortis океан
поглубже, чем разлуки море.

Я снова пьян... тобою пьян...
и если с этим кто-то спорит,
то это мой самообман.

«Есть что-то в фотографиях старинных...»

Есть что-то в фотографиях старинных,
собой являя часть небытия,
немного цветом бывшего рубля,
они не так фальшивы, как картины,
те, что рисует память торопливо
и привирает каждому своё.
Есть, правда, в них какой то мёд
и цветом, и тягучестью тоскливой.

«Мне кажется, я знаю отчего...»

Мне кажется, я знаю отчего,
случится все в вагоне-ресторане,
не потому, что там живу, не от долгов,
не оттого, что буду снова пьяный,

не от дурацкой жизни суеты,
где всем пытаюсь, хорошо чтоб было,
что невозможно... Зацветут вдоль рельс сады,
луна взойдет, одевшись от светила,

торжественно, вся в «белом без прикрас»,
без лишней патетической истомы,
без суеты... внезапно цвет погаснет глаз,
запомнив номер на столбе верстовом...

Ты очи вскинешь к выцветшей звезде,
и две слезинки в уголках улыбки

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.